

Привет. Меня зовут Александр Данилов. Мне шестнадцать лет, рост метр семьдесят три, русский. Надо бы чего-то добавить еще, но чего, я не знаю. Особых примет у меня не имеется. Короче, я самый обычный. Не лучше других и, наверно, не хуже. В недалеком будущем собираюсь стать космонавтом.

Бабушка моя говорит:

— Сашка, у тебя заоблачная цель. Ты давай не выделывайся, опускайся на землю и живи по-людски, как все.

А я не хочу как все. Я хочу прославиться на всю страну. А еще лучше — на весь мир. Чтоб старики почтительно кивали седыми головами, а малышня повторяла: я буду таким, как Александр Данилов, отважным космонавтом, покоряющим просторы Вселенной.

Город, в котором я живу... он, конечно, неплохой, имеет славную историю, но сам по себе маленький, а главное — он тупиковый. Тут заканчиваются рельсы железных дорог и начинается Черное море. Я вот чего боюсь. Если останусь здесь и буду вкалывать, как мама или как бабушка раньше, или даже устроюсь на выгодную должность куда-нибудь в портовую таможню, это

будет конец всему хорошему. Даже знаю, в кого превращусь. Куплю подержанный Opel, заведу на работе дружков, мы станем выпивать по пятницам и кидать понты друг перед другом. Ну, хвастаться, кто какую телку снял, а кто такой смелый, что послал начальника куда подальше, и все такое. Потом я женюсь, прикуплю дачный домик на Молочке и стану выращивать патиссоны. И буду дискутировать с соседом через забор, у кого патиссоны лучше. Нет ничего хуже, чем когда расслабился, поджал ножки и плывешь по течению.

Нет, ну, конечно, в нашем городе наверняка можно стать и богатым, и успешным. Даже прославиться можно. Нам в школе постоянно твердят, какие здесь были выдающиеся личности. Они, мол, покрыли славой себя и наш город. Все эти флотоводцы, солдаты, совершившие подвиг, строители, поднявшие город из руин. Как послушаешь, так получается, что прошлое битком набито славными героями, знай только продолжай традиции. Но я не собираюсь тут задерживаться. Меня мотивирует такой факт — в нашем городе родился 111-й российский космонавт. Значит, все-таки можно из нашей глубинки подняться в космос.

Я хотел назвать эти записи «Как я провел лето». Такие сочинения мы пишем каждую осень, начиная с шестого класса. Думаю, дай заранее набросаю. А что? Буду фиксировать все, что произойдет на каникулах.

Достаточно каждый день записывать по страничке, чтоб не забыть. Сначала я решил ставить дату в конце каждой заметки, а потом вижу: получается не дневник, а какая-то фигня. То возвращаюсь назад, то, как говорит бабушка, начинаю толочь воду в ступе. В какой-нибудь день бывает столько всего наворочено, что потом целую неделю пишешь-пишешь и не успеваешь записать. А потом полмесяца ничего не случается. Ну, там встал, поел, лег спать. Все.

Поэтому я убрал даты, а перед каждой главкой, которую записываю за один раз, решил ставить вот такие звездочки: ***. Вроде так можно, я где-то видел.

И название решил поменять. Ага, набрал в гугле «как я провел лето», а там как посыпалось! Рефераты, сочинения, повести, фильмы. Даже мюзикл есть, только не помню, где его поставили. Мой друг Жбан, конечно, тут же встрял.

— Название, — сказал он, — должно быть как Вселенная перед взрывом: величиной со спичечный коробок, но вмещать всю массу.

Короче, название придумал Жбан. А я стану записывать только то, что будет на каникулах. Ну а там — как получится.

Наш лицей — довольно пафосное заведение. Здесь учатся детишки наших городских чиновников, бизнесменов и прочих таких. Например, папаша моего друга

Никиты Жбановского — банкир. А отличницу Олю Новикову к восьми часам привозит персональный водитель на черном лексусе. После занятий он терпеливо ждет, пока Оля наговорится с подружками. Ее отчим, наверное, самый богатый человек в нашем городе.

А я из простой семьи. Бабушка сейчас пенсионерка, раньше была конструктором в ЦКБ «Черноморец». Чего-то они там проектировали сто лет назад, какие-то плавкраны, что ли. А мама — детский врач в нашей поликлинике. Отец с нами не живет уже седьмой год. Про него я потом расскажу.

В этот лицей я попал благодаря деду Алеше. Он, когда был живой, был известным хирургом. Я запомнил деда таким крепким стариканом с блестящей лысиной. Когда он гладил меня по макушке, его рука покрывала голову, как шапка-ушанка. По вечерам дед выпивал полбутылки «Немировской» и произносил странную фразу:

— Жалудок есть жалудок.

К деду на операцию записывались за полгода вперед.

Вот еще одна причина, почему я хочу стать космонавтом. Причина в том, что я хочу... Нет, коряво получается. В общем, все свои силы и умения, которые накоплю в себе, — я должен положить их не на дачку с патиссонами, а на то, чтобы приподнять авторитет страны. Хотя бы на один сантиметр, пусть даже на пять милли-

метров. Однажды я так и сказал Никите Жбановскому:

– Представляешь, Жбан, что будет, если каждый из нас приподнимет Россию на пять миллиметров?

На что Никита покрутил пальцем у виска и спросил:

– Саня, ты чё, Архимед обдолбанный? Ты еще попроси точку опоры. Потом рычаг. И вообще, на фигура ее поднимать? Ей что, здесь плохо?

– Здесь – это где? – поинтересовался я.

– Здесь – это тут.

Короче, мы не поняли друг друга. Нет, Жбан, конечно, нормальный пацан, хотя у него какой-то запредельный ай-кью. Жбан говорит, что собирается стать хакером и ломануть с десятков солидных банков, а пока косит под тупого ламера. Но я думаю, он специально наговаривает на себя, маскирует свою главную цель. Как-то он признался мне, что готовит себя в системные архитекторы. Может, здесь и разницы большой нет, я в этой теме не разбираюсь. И еще Жбан говорит, что любую мысль надо укладывать в четырнадцать слов. Почему именно в четырнадцать, не знаю. Возможно, ему нравится это число. Но я допускаю, что он как-то его рассчитал. Он все подряд рассчитывает: чуть что, сразу вытаскивает ручку «Паркер» с золотым пером, дорожку, как горный велик, и свой любимый замусоленный блокнотик – и давай строчить цифры, формулы, схемы рисовать. Может, прикалывается, а может, и вправду высчитывает, у него всегда получаются какие-то убедительные выводы.

Половина моего десятого класса «Б» думает, будто я тренирую свое тело и свои мозги не для того, чтобы стать космонавтом, а для другого. Например, чтобы крышевать какую-нибудь фирму, такую, знаете, «дойную корову», которая жиреет на углеводородах.

А вторая половина класса утверждает, что я просто выпендриваюсь. Оля Новикова, ну, отчим у которой, — та вообще заявила:

— Данилов у нас дерзкий. К звездам стремится, не то что некоторые.

При этом она взяла меня двумя руками за отвороты рубашки и приблизилась лицом, так что я почувствовал ее дыхание. От Оли пахло яблоками.

— Признавайся, — сказала Новикова, — выше всех хочешь быть? Куда стремишься?

— На альфу Центавра, — сказал я. — А что, ты тоже хочешь?

— Вот еще, — фыркнула Оля. Но продолжала смотреть на меня, не в глаза, а куда-то в район подбородка, и так глубоко втягивала воздух через открытые губы, что мне показалось, она вот-вот лишится чувств и упадет. Оля и вправду покачнулась. Я подхватил ее под мышки. И ладони у меня сделались влажными.

Несколько секунд мы стояли, как скульптурная группа. Садово-парковая скульптура, так сказать. Потом Оля оттолкнула меня, да так сильно, что я уселся на учи-

тельский стол, а она рванула из класса. Получилось как-то неловко. Все уставились на меня, словно ждали каких-то объяснений. А что я скажу? Сам ничего не понял. Спасибо, Жбан потом растолковал.

— У Новиковой, — сказал он, — пубертатный период. Гормоны извергаются, как лава из вулкана.

— А у меня что, нет такого периода? — поинтересовался я.

— Есть, — сказал Жбан. — Но ты подтягиваешься на турнике, кроссы свои бегаешь, ныряешь вон на двадцать метров. Короче, тратишь свой тестостерон не на улучшение демографической обстановки, а на всякую хрень.

Тут он, конечно, прав. Мой недельный распорядок расписан по минутам. Во вторник и в четверг я сажусь на катер и еду на Северную сторону. Потом автобусом добираюсь до Качи. Там, в военной части, находится специальный тренажер для укрепления вестибулярного аппарата. Это такое колесо, на котором можно вращаться в двух плоскостях. Однажды Жбан поехал со мной, посмотрел на мои занятия и сказал:

— Витрувианский человек. В круге и в трусах.

Я понял. Это у Леонардо да Винчи имеется рисунок, называется «Витрувианский человек». Изображен мужик, вернее, два мужика, как бы наложенные друг на дружку. Один вписан в круг, а другой в квадрат. Вроде как учебное пособие для художников, как рисовать человека. Так вот, Жбан хотел сказать, что я похож на того, что в круге. Только в трусах.

Прошла одна неделя моих последних летних каникул. Я когда говорю слово «последние», у меня как будто отмирает кусочек жизни. Вообще-то у меня ничего практически не поменялось. Занятия в школе начинаются в восемь утра, а я привык просыпаться в половине шестого. В любую погоду я выхожу на улицу и бегу от дома до детского комплекса. В такую рань машин почти нет, лишь изредка медленно проплывет такси или троллейбус прошуршит проводами, направляясь с пятого километра в сторону Камышевой бухты. По утрам воздух свежий, как будто всю ночь над городом работал здоровенный озонатор. Я бегаю не по асфальту, а под соснами, вдоль дороги. В безветренную погоду здесь висит такой хвойный дух, что голова идет кругом. Тропинка под ногами пружинит, она покрыта слоем прошлогодних иголок, но расслабляться нельзя: земля здесь усыпана сосновыми шишками, стоит наступить на одну — и стопа подвернется так, что мало не покажется. Туда и обратно получается километра три. На обратном пути я успеваю заскочить на школьный стадион, чтобы подтянуться на перекладине. Для кандидатов в отряд космонавтов установлен норматив — не меньше четырнадцати раз. Два года назад я с трудом дотягивался подбородком до перекладины, один-единственный раз, а теперь делаю два подхода по двенадцать. Этого, конечно, маловато, но в следующем

месяце добавлю единичку, будет тринадцать. Зато с бегом у меня проблем нет. Для будущих космонавтов оценка выносливости такая. Один километр нужно пройти не хуже чем 3 минуты 35 секунд, а я одолеваю эту дистанцию за три двадцать. Скоростной бег на 60 метров – норма восемь с половиной секунд, а я пробегаю за восемь и две десятых. Другое дело – прыжок в длину с места, тут у меня просто какой-то ступор. Не могу сигануть на два метра тридцать, как положено. Не хватает каких-то десяти сантиметров. Но впереди у меня еще девять лет, это до поступления в отряд космонавтов. За это время рассчитываю выполнить третий разряд по прыжкам в длину. А может, и второй.

Сегодня ничего интересного не случилось, поэтому напишу что попало, чтоб не пропускать день.

Недавно я прикинул, чего там маячит в перспективе, и вот что получилось. Полет на Марс намечен на тот год, когда я буду заканчивать стажировку в Звездном городке. Мне просто нечеловечески хочется попасть в первый марсианский экипаж. Быть первым – это супер! Но если что-то не сложится – ладно, я готов лететь вторым или даже третьим. Но я обязательно полечу на Марс. Сто пудов. А там, глядишь, через энное количество лет, может через пять, пусть даже через десять, придумают способ, как перемещать космические аппараты со скоростью света, триста тысяч километров

в секунду. И тогда я отправлюсь за пределы Солнечной системы. Куда? Ну, пока неизвестно. Может, это будет Колесо Катрины, самая близкая галактика, или созвездие Гончих Псов. Кстати, недавно телескоп «Кеплер» обнаружил несколько экзопланет. Среди них есть похожие на нашу Землю. Там все почти такое же. И диаметр, и расстояние до ихнего светила, и скорость вращения – короче, всё-превсё. И главное – астрономы уверены, что там имеется атмосфера и вода в жидком состоянии. Подсчитали вероятность существования жизни на такой планете – и обалдели. 97 процентов! Все в шоке!..

Опять ничего интересного за целый день. Ладно, тогда назову еще одну причину, из-за которой я решил стать космонавтом.

Значит, так. Испокон веков люди искали такую идею, которая сняла бы все проблемы совместного проживания на планете. Универсальную, что ли, или идеальную, не знаю, как правильно ее обозвать. Эта идея должна примирить богатых и бедных, сильных и слабых, черных и белых – короче, всех, кто проживает на Земле. Мы перестанем ненавидеть друг дружку. Вместо того чтобы воевать, станем рядышком и начнем прихорашивать Землю.

Тысячи ученых ломали головы, придумывали такую идею. Написали кучу книжек и постоянно затевали практические опыты. То отправлялись в крестовые

походы, то совершали революции и все такое. Короче, извели чуть ли не половину народонаселения, но дело с места не сдвинулось. Потому что все идеи оказались бесполезными. Они не сплачивали людей, а только умножали человеческие беды. Уже стали поговаривать, что такой объединяющей штуки не может быть в принципе. Недаром моя бабушка любит повторять, что Всевышний создал людей такими, какие мы есть. Это окончательный вариант. Даже рыпаться не стоит, чтобы чего-то там улучшить.

Ага, а потом оказалось, что такая идея все-таки есть. Сам бы я не додумался до нее, но однажды смотрел по телику репортаж с Байконура, когда запускали «Союз ТМА-17» на международную космическую станцию. Комментатором был... ладно, не скажу, кто именно... в общем, Герой России, дважды побывавший в космосе. Так вот, он сказал, что человечеству свойственно стремление к экспансии. Завоеывая новые пространства, мы спасаем себя от гибели. На старых, привычных территориях происходят разные катаклизмы. Разумеется, сказал комментатор, прекраснее Земли ничего нет. Но кто знает, вдруг все начнет разваливаться. По нашей вине, не по нашей — неважно. Освоение космоса — это попытка постелить соломку на случай, если придется покинуть планету. Но создавать колонии на Луне, на Марсе не по силам отдельному государству. Ни американцам, ни русским, ни китайцам. Этот проект можно организовать только в том случае, если он станет

общечеловеческим. Сегодня это вряд ли возможно – народы живут как кошка с собакой. Но придут такие дни, сказал тот космонавт, когда люди поймут, что дальше откладывать нельзя. Дедлайн! И эти дни не за горами.

Вот и получается, что совместное освоение космоса – это самый правильный повод прекратить распри и сообща заняться сооружением внеземных поселений.

Правда, Жбан меня, как обычно, стал разубеждать.

– Ни фигя себе! – возмутился он. – Представляешь, какие бабки придется выкатывать, чтобы построить эти дурацкие вигвамы на Луне? Проще сделать по-другому.

– Как? – спросил я.

– Ну, например, заставить всех богатых скинуться и подлечить Землю, не покидая ее?

– Гонишь ты, – сказал я. – Ведь все равно нет способа, чтоб заставить всех богатых скинуться. Никто такого способа не знает. И ты не знаешь.

– Пока не знаю, – согласился Жбан. – Но вдруг его придумают!

Сегодня зашел к Гарику, однокласснику. Он обещал дать мне атлас звездного неба, который принадлежал его деду. У него дед был адмиралом, а когда сделался старым, чего-то в голове щелкнуло, и старик переселился жить в деревню. А в его хоробах на Центральном холме сейчас живет Гарик. Ну, не один, конечно, с родителями.